

Гоча Пасиешვილი

**ПРИМОРСКИЙ.
БЕС**

18+

Гоча Пасиешвили
ПРИМОРСКИЙ. БЕС
Серия «ПРИМОРСКИЙ», книга 1

<https://litres.ru/73472637>

SelfPub; 2026

Аннотация

Очнувшись в теле богатого наследника Алексея Приморского, Александр Волгин получает в распоряжение всё, чего был лишён: деньги, связи, будущее. И одну чудовищную тайну: мальчик, чьё тело он занял, сам шагнул под колёса автомобиля, сломленный травлей, одиночеством и непониманием. Теперь в зеркале на него смотрит новое лицо. И у него новое имя. Новые враги. И старая, кипящая ярость, которая найдёт, на кого излить свой гнев.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Гоча Пасиешвили

ПРИМОРСКИЙ. БЕС

*Все, кто хоть раз заглянул за край,
возвращаются другими*

Глава

1. ТОЧКА НЕ ВОЗВРАТА

Город засыпал странным, тревожным сном. Рајего, тяжёлый и неповоротливый на мокрой дороге, тяжело вздыхал на подъёмах. Запотевшие стёкла превращали мир за окном в акварельное пятно: расплывчатые огни порта, чёрные силуэты кранов, похожие на скелеты доисторических птиц, и вездесущий туман, который цеплялся за фары живыми клочьями.

Александр ехал почти на ощупь. Знакомые повороты всплывали из белой мглы внезапно, заставляя крутить руль резче, чем хотелось. В голове стучала одна мысль: Как я вообще здесь оказался?

Дорога пошла на спуск, огибая крутой склон. Справа зияла чёрная прорва – обрыв к воде. Александр прибавил газу, чтобы вырваться из этой молочной тюрьмы. Рајего рыкнул и рванул вперёд.

Именно в этот момент туман на обочине колыхнулся и расступился. словно сама ночь сделала шаг навстречу. Тень. Прямо перед капотом. Не выбежала – встала. Стояла посреди дороги, раскинув руки.

– Чёрт! – Александр вдавил тормоз в пол, выкрутил руль.

Шины завизжали на мокром асфальте. Удар был страшным, глухим, будто били по полному ведру. Тело ударилось в левый бок капота и отлетело в темноту. Рајего, высокий и неустойчивый, пошёл в занос, пробил низкое ограждение и с грохотом рухнул на капот среди кустов облепихи. Бес вылетел из машины через лобовое стекло и застрял среди кустов. Наступила тишина.

Он очнулся и увидел, что его тело парит в воздухе. Рядом, еще она фигура подымалась в верх. Алексей Приморский. Бледный, с огромными глазами, полными немого ужаса.

– Я виноват в вашей смерти. Простите меня. Это я сам бросился под машину.

– Нет, парень, это я... я не справился, не удержал руль... – попытался было возразить Бес. В это время над ними начал разгорался белый свет.

– Это неважно. Я хотел уйти из этой жизни. Я устал. От издевательств и смеха одноклассников, материнского хамства в пьяном виде, отцовских денег. Я хочу покоя.

Бес увидел школьный коридор. Удар в спину Алексея, рассыпающиеся учебники и хохот: «Приморский! Папаша в Токио на «Порше» катается, а ты тут как бомж подзабор-

ный!».

Большая, стерильно-чистая квартира с панорамным видом на усыпающийся огнями залив. И абсолютная, давящая тишина. Только гул дорогого холодильника. Тяжёлый, сладковатый запах коньяка из полутьмы маминой спальни. Её заплаканное лицо в дверном проёме: «Ты весь в него... Такой же холодный, расчетливый...».

Экран «Нокии» в темноте. СМС: «Твоего папу в Москве видели. Он теперь олигарх. А ты – его позор. Сделай всем одолжение. Исчезни».

– Не хочу возвращаться туда...я всем все простил – говорил Алексей и указал на свое тело, которое лежало на земле в низу

– Вы должны вернуться в мое тело. Я устал и у меня нет сил прожить свою жизнь. И ... Алексей начал удаляться в сторону света, а Беса потянуло в тело на земле.

–Но я не могу украсть твою жизнь, она бесценна!!! –прокричал Бес.

–Если кто то будет счастлив в моем теле, этого достаточно - устало ответил Алексей и он и его голос растворились, унося остроту боли, оставляя лишь тихую, бесповоротную пустоту.

А потом была тишина. И тьма.

Несколько часов до этого.

Туман над Золотым Рогом был не стихией, а состоянием. Он впитывал звуки и стирал границы, превращая ноч-

ной Владивосток в набор призрачных огней. Где-то за этой молочной пеленой спали, укутанные в бархат осенней ночи, могучие кедры на склонах сопок, чернели зубчатые скалы Елены и дышало огромное, невидимое море – Тихий океан. В Приморье красота была такого размаха, что подавляла, напоминая о вечности, где человеческая жизнь – лишь миг, случайная искра в тумане. В таком тумане всё было возможно. И всё было безнадёжно.

В душном зале «Водник», пахнущем потом, льняным маслом и вековой сыростью бетона, Александр Волгин по прозвищу Саша-Бес туго перематывал кисти шестнадцатилетнему кадету из Находки.

Зал был памятником ушедшей эпохе: высокие потолки с облупившейся советской синей краской, по стенам – пожелтевшие плакаты с силуэтами боксёров и лозунгами, которые уже никто не читал. Окна, похожие на бойницы, пропускали скупой свет октябрьского вечера и вид на ржавые краны торгового порта. Посреди зала висели на потускневших цепях несколько груш; одна из них, самая потрёпанная, была заклеена лейкопластырем – её били ещё отцы нынешних пацанов. Пол, когда-то покрытый жёстким борцовским ковром, теперь скрипел опилками, которые впитывали пот и кровь, но не могли победить запах плесени, пробивавшийся из углов. Это было не место для побед. Это был ковчег для тех, кому больше некуда пойти.

Мальчишка, красный от напряжения, битый час молотил

по той самой, заклеенной груше, сбивая дыхание.

– Остановись, – хрипло сказал Александр, хлопнув его по плечу. – Ты не дрова рубишь. Бокс – это математика. Один точный удар стоит десяти тычков. Понял?

– Понял, дядя Саша.

– Тренер, – поправил Александр без злости, глядя поверх головы парня туда, где на стене темнел квадрат от снятого когда-то портрета. – Иди домой. Завтра без опозданий.

Когда зал опустел, из кабинета вышел Виктор Саныч, старший тренер, лицо которого напоминало потрескавшуюся от времени глину.

– Бес, что решил? Говорят, ставку-таки пробили. Три оклада. Бабла на ремонт и оборудование дадут. Будем пацанов собирать.

Александр потянулся за старой косухой, висевшей на гвозде.

– Не знаю, Виктор Саныч. Кому сейчас этот бокс нужен? Все на рынках, в кооперативах вертятся. Мечтают не о поясе, а о джипах японских.

– Вот потому и нужен! – тренер стукнул кулаком по столу, зазвенели стаканы. – Чтобы не забыли, кто они! Чтобы хребет не гнули. Ты же у нас Бес. Так покажи, где настоящая сила.

– Сила? – Александр горько усмехнулся. – Сила в деньгах теперь, а должна быть в правде.

– Вон, Приморский тот, Алёшка... – вспомнил Виктор

Саньч. – У отца, слышно, бизнес по всему Дальнему Востоку. А парня в школе как скотину травят. И что? Деньги не помогли.

– Значит, ему твоя наука нужнее других, – упрямо гнул своё старик. – Он сегодня не пришёл. Съезди, проверь. Тренер не только в зале.

Бес молча кивнул и вышел в промозглую октябрьскую ночь.

Его старый праворульный Mitsubishi Pajero цвета «мокрый асфальт» ждал у обочины. Машину он три года назад купил у моряка с парома «Михаил Шолохов». Она была верной, как пёс: возила товары с рыбного рынка, пассажиров до Находки, а теперь – пацанов из секции на выездные спарринги.

Он сел за руль, завёл мотор. Двигатель заурчал ровно, привычно. Александр откинулся на спинку сиденья, глядя в туман. Мысли пришли сами – те, что всегда приходили в минуты тишины.

Воронеж. Семь лет жизни, которые стали для него настоящим чудом.

Он вспомнил, как в десять лет, тощий и вихрастый, стоял в кабинете директора детдома и смотрел на незнакомых людей исподлобья. Она – учительница, с мягкими руками и тихим голосом, пахла яблоками. Он – военный, подполковник, с выправкой, от которого пахло кожей и табаком. Они забрали его. Увезли в Воронеж.

Старая квартира с высокими потолками, мамыны пироги, отцовский одеколон. Своя комната – впервые в жизни. Мать учила его читать, садилась рядом, поправляла волосы. Из всей литературы он полюбил только одну книгу – «Повесть о настоящем человеке». Перечитывал до дыр.

Отец водил в спортзал. Старый, пропахший потом зал. «Бокс – это не про то, чтобы бить, – говорил он, перематывая ему кисти. – Это про то, чтобы держать удар». Он держал. До семнадцати лет держал.

А потом был звонок. Ночной, казённый голос: «Автокатастрофа. Погибли мгновенно».

Он не помнил, как хоронил. Как стоял у гробов. Как на поминках какой-то пьяный родственник ляпнул про «сиротку». И он ударил. Впервые в жизни по-настоящему, со всей болью. Разбил лицо в кровь, разнёс посуду.

После похорон друзья разбежались. Институт провалил – не до учёбы было. Лежал на диване, смотрел в потолок, слушал тишину. Армия стала спасением – там не надо думать. Учебка, потом, элитная часть. Два тяжелых года железного порядка.

Вернулся в пустую квартиру. Пил. Работал охранником. Пока однажды не зашёл в тот самый зал, куда отец водил его мальчишкой. Снял куртку, попросил перчатки. И пошло.

Он гонял себя до изнеможения. Бокс стал единственным языком, единственным способом говорить с миром. Титулы, бои, переломы. К тридцати годам – пояс чемпиона и пустота

внутри. Та самая, что поселилась после гибели родителей, никуда не делась.

Предложение из Хабаровска – тренером – пришло вовремя. Надоело бить, захотелось учить. Два года в Хабаровске пролетели незаметно. А потом позвонил Виктор Саныч. «Здесь зал есть. Пацаны есть. Приезжай».

Он приехал. Три года уже живёт во Владивостоке. Тренирует чужих пацанов. По ночам вспоминает Воронеж, мать с отцом и ту жизнь, которая могла бы быть.

– Хватит, – сказал он вслух. – Работать надо. И вдавил педаль газа.

Он очнулся от монотонного писка. Открыл глаза. Белый потолок, жёлтая лампа. Больница.

Попытался приподняться – и замер. Тело было лёгким, каким-то ватным, чужим. Он поднял руку. Длинные тонкие пальцы, узкое запястье. Ни шрамов, ни мозолей. Он хотел сжать кулак по привычке – и почувствовал, как пальцы обхватывают пустоту. Раньше костяшки были в твёрдых мозолях, кулак – как чугунная гиря. Сейчас это была мягкая, беззащитная ладонь.

Паника, холодная и цепкая, сжала горло. Он сел. Напротив висело зеркало.

На него смотрело чужое лицо.

Алексей Приморский. Бледный, с фингалом под глазом, с огромными тёмными глазами. В глазах немой вопрос, не ужели это правда?

Бес сидел, не двигаясь. Слезы – не его, не Алексея, а их общие – текли по чужим щекам. Это был плач по двум умершим жизням. И благословение на одну, новую.

Он медленно вытер лицо мягкой ладонью. Леденящий шок уступал место невероятной, титанической тяжести ответственности. Ему доверили. Дали в долг. Самое дорогое в мире – жизнь и будущее. А доверие надо оправдывать.

– Хорошо, – прошептал он в тишину палаты. – Я использую твою жизнь на благо другим и стану достойным человеком, что бы ты мной гордился.

Он снова взглянул в зеркало. В глаза Алексея Приморского. Теперь в них не было вопросов. Не было и отчаяния их прежнего хозяина. Теперь в них горел знакомый, стальной огонь.

Дверь в палату скрипнула.

В проёме застыла женщина. Дорогое меховое пальто нараспашку, под ним – мятое платье. Она была небрежно прекрасна и ужасно пьяна. Лицо, хранившее следы былой утончённости, сейчас было опухшим, с размазанной тушью.

– Лёшенька... – её голос, хриплый от сигарет и слёз, сорвался на шёпот. Она сделала шаг и едва не упала, ухватившись за кровать. От неё пахло «Столичной» и духами «Шанель». – Живой... Господи... Я думала...

Она не бросилась к нему. Медленно подошла. Её рука, дрожа, коснулась его лба, потом щеки. Жест был отстранённым и болезненно нежным.

– Прости... – выдохнула она, глядя куда-то мимо. – Я не...
опять. Но... папа прислал своего человека. Лучшие врачи...
всё будет...

Бес-в-теле-Алексея смотрел на неё и начинал понимать, что это мать. Он видел не просто женщину. Он видел катастрофу. Разрушенную мужем, водкой, собственными слабостями. И часть той холодной ярости, что копилась в нём, теперь обратилась и на неё. И на того, чьи деньги были здесь единственным проявлением любви.

Он медленно поднял свою руку – тонкую, детскую – и накрыл её ладонь. Она вздрогнула.

– Мама, – сказал он. Голос был тихим, голосом Алексея, но в интонации стояла сталь. – Всё в порядке. Я здесь. И я тебя люблю. Теперь всё будет по-другому.

Она отшатнулась, впервые вглядываясь в его лицо. В его глаза. Там не было страха, растерянности её сына. Там была спокойная, взрослая решимость.

– Ты... – она протрезвела на секунду. – Ты какой-то другой.

Он подошёл к окну. Туман над заливом начинал сереть, уступая место рассвету. Там был город, сломавший её сына. И край, носивший его новую фамилию.

– Все, кто хоть раз заглянул за край, возвращаются другими, – тихо сказал он.

Александр Волгин, по кличке Бес, погиб на том обрыве. Алексей Приморский, затравленный мальчик из золотой

клетки, умер под колёсами его машины.

У окна стоял кто-то третий. С чужим именем, железной волей, жаждой на жизнь и привилегией на власть. И всем этим надо было научиться пользоваться.

Он сжал пальцы в кулак. Слабый, подростковый кулак. Но уже знающий свою силу. Первая жизнь закончилась. Вторая только начиналась.

2.НАСЛЕДСТВО

Прошло несколько дней.

Бес – он всё чаще мысленно называл себя так, цепляясь за единственную константу в этом калейдоскопе безумия – привыкал к новому телу. Раны, к счастью, оказались несерьёзными: сотрясение, пара ссадин, сломанное ребро. Тело молодое, податливое, заживало быстро.

Гораздо медленнее заживало сознание.

Ощущение раздвоения было постоянным: он ловил себя на мысли, что инстинктивно ищет взглядом грушу для разминки в углу палаты; просыпаясь, ждал, что вот-вот увидит знакомый шрам на костяшке; слышал свой тихий, высокий голос – и каждый раз вздрагивал. Он был узником в крепости из чужих костей и кожи, и ключ был потерян.

Однажды дверь в палату открылась без стука.

На пороге стоял мужчина лет тридцати. Не врач. Деловой костюм, идеально сидящий на подтянутой фигуре, кожаный портфель-дипломат, золотые заколки на манжетах. Очки в

тонкой оправе, сквозь которые глаза казались почти цветными. Взгляд оценивающий, холодный, как скальпель.

– Ну что, ожил? – спросил он, даже не поздоровавшись.

– Добрый день. – ответил Бес лихорадочно роясь в обрывках памяти. Лицо незнакомое.

Мужчина усмехнулся углом рта.

– Вежливости научился. Хвалю. – Он прошёл в палату, поставил портфель на стул и устремил тот же ледяной взгляд на «Беса». – Давай обсудим твои выходки. Или точнее выходки твоей матери, которые ты, видимо, решил продолжить.

– Что ты имеете против твоего отца? – продолжал мужчина. – Или вам обоим мало проблем, что вы уже создали? Шантаж вниманием – это патология. Высчитать, когда он будет в городе, и броситься под колёса, чтобы папочка приехал, покачал головой у твоей койки и выписал очередной чек?

Каждое слово било точно в цель, обнажая старую, гнойную семейную рану.

– Я просто шёл... – начал было Бес, пытаясь звучать как запуганный подросток.

– Не ври. Из-за тебя человек погиб, – отрезал мужчина, повысив голос. – Отец поручил мне разобраться с этим. Ему не нужны скандалы. Ты ленивый, безответственный иждивенец, Алексей. Единственное, что у тебя получается – быть обузой. И если ты думаешь, что такой дешёвый трюк что-то изменит, ты глубоко ошибаешься.

Он сделал паузу, давая словам впитаться. Бес сжимал простынь под одеялом. Не из страха – чтобы сдержать вспышку старой, волгинской ярости. С ним, с «Бесом», так никогда не разговаривали. Но он был не в своём теле. Он был в теле того, кого можно вот так третировать.

– Ты вернёшься домой, – продолжил мужчина уже спокойнее, будто вынес приговор. – Будешь вести себя тихо. Учиться. Не выносить мозг матери и, что самое главное, не выносить мозг мне. Иначе твоё содержание будет пересмотрено. Вплоть до отправки в пансион или кадетское училище, где быстро выбьют эту дурь. Ясно?

Бес кивнул, опустив глаза. Не из смирения – чтобы скрыть загоревшийся в них холодный огонь.

– Выздоровливай, – бросил мужчина как пустую формальность, взял портфель и вышел, чётко щёлкнув каблуками по кафелю.

Бес откинулся на подушки. Нажал кнопку вызова медсестры.

– Молодой человек в костюме... кто это?

Пожилая медсестра понимающе взглянула на него.

– А, это господин Семёнов. Юрист. От вашего папы. Он тут всё проверял, документы смотрел, врачей опрашивал. Очень... деловой человек.

Юрист. Помощник отца. Надсмотрщик. Картина прояснялась. Отец – далёкий олигарх. Мать – проблема. Сын – раздражающий побочный продукт. И есть Семёнов – эффектив-

ный менеджер, который следит, чтобы «проблемы» не вылезали за оговорённые рамки.

Через неделю его выписали.

У входа в больницу, среди обычных «Жигулей» и японских иномарок, ждал чёрный ухоженный Toyota Crown. Не такси – машина личная с шофером. Водитель, суровый мужчина в тёмном, молча открыл дверь.

– Куда? – коротко спросил он.

Бес замер на секунду. Куда? В дом матери.

– Светленькая, 127, квартира 4, – назвал адрес матери, который указал Алексей, когда его записывали в «Водник».

Автомобиль бесшумно скользил по улицам Владивостока. Бес смотрел в окно на проносящиеся мимо серые фасады, яркие вывески новых кооперативов, суровые лица прохожих и не убранные улицы. Первое правило на новом ринге: изучи противника. Пока противник – весь этот мир. Нужно играть свою роль. Роль Алексея. Пока не окрепнешь. Пока не поймёшь все правила игры.

Квартира или вернее весь этаж, оказалась в элитном сталинском доме с высокими потолками и лепниной.

Дверь открыла женщина лет пятидесяти в строгом тёмном платье. Лицо её, видимо обычно подтянутое в нейтральную маску обслуживающего персонала, на мгновение дрогнуло, выдав облегчение, но тут же вернулось в привычные рамки.

– Алексей Алексеевич. Добро пожаловать домой, – сказала она, помогая снять куртку. Голос ровный, почтительный,

без подобострастия. – Как ваше самочувствие?

Бес молча кивнул, позволяя ей помочь. Его мозг лихорадочно искал в чужих воспоминаниях хоть намёк на её имя. Пустота.

– Позвонить господину Семёнову, сообщить, что вы прибыли? – спросила она, вешая куртку в гардеробную.

– Не надо, – сказал Бес. – Я сам разберусь.

Женщина слегка приподняла бровь – единственная реакция, выдававшая удивление.

– Как скажете. Однако он просил немедленно информировать о вашем возвращении. И... он может быть строг. – Её взгляд непроизвольно скользнул в сторону закрытой двери спальни.

Бес почувствовал необходимость прояснить ситуацию.

– Вы... давно у нас работаете?

– Меня зовут Галина Семёновна, – представилась она без упрёка. – Я была нанята вашей матерью шесть месяцев назад, для ведения хозяйства. После того как ей стало... тяжелее одной справляться.

– Понял, – кивнул Бес, отбрасывая чувство потерянности.

Он прошёл в комнату матери. Полумрак, спёртый воздух. В огромной кровати, под шёлковым покрывалом, спала Елена Сергеевна. Рядом на тумбочке – пустой бокал. Красивое лицо обезображено опухолью и следами туши. Галина Семёновна молча поправила покрывало, и в этом жесте была не забота служанки, а усталая скорбь человека, вынужденного

наблюдать за падением.

– Её сегодня навещал доктор, – тихо сказала Галина, выходя обратно в коридор. – Прописал покой. Вам тоже нужен отдых. Поужинаете?

Столовая была просторной комнатой с длинным полированным столом на двенадцать персон. Сейчас на ближнем к окну конце стояла единственная тарелка, приборы, бокал для воды. Место было сервировано с бездушной, отелльной точностью.

Галина принесла ужин на серебряном подносе: бульон, суфле из палтуса, миниатюрные овощи. Поставила блюда, отступила на шаг и замерла в почтительной позе.

Бес ел молча. Не так, как Алексей – медленно и без интереса к еде. Он ел целеустремлённо, как человек, восстанавливающий силы. Очистив тарелку, отодвинул её.

– Спасибо. Всё было вкусно.

– Вам угодно чай или кофе?

– Нет.

Она подошла убрать посуду.

– Вы... кушали с аппетитом, – осторожно заметила она, нарушая протокол. – Раньше вы чаще просили принести что-то в комнату. Или вовсе отказывались.

Ещё одна трещина. Бес поднял на неё взгляд.

– В больнице многое пересмотрел. – Он сделал паузу. – Семёнов. Он контролирует все расходы? Даже на питание?

Она замерла на секунду, затем плавно продолжила уби-

рать.

– Господин Семёнов осуществляет финансовое управление от лица вашего отца, да. Я предоставляю отчёты о закупках. Лимитов нет, но... – она понизила голос, – есть понимание, что некоторые вещи не должны привлекать лишнего внимания. Пока всё остаётся тихим, вопросы не задаются.

Пока мать тихо разрушается, а сын тихо страдает. Пока мы – дорогая, но неудобная мебель, которую содержат в чистоте и темноте.

– Я понял, – сказал Бес, вставая. – Спасибо.

Он вышел из столовой, оставив Галину Семёновну наедине с хрусталём и серебром. Каждый шаг по паркету укреплял в нём решимость. Он оказался не в доме, а на витрине. И его роль в ней – быть манекеном.

Теперь он это изменит.

Вернувшись в свою комнату, Бес встал перед зеркалом встроенного шкафа. На него смотрел Алексей Приморский. Длинные, неухоженные волосы, падающие на глаза. Одежда дорогая, но безвкусная, какая-то поникшая, как и его осанка. Выражение лица – пустое, с отпечатком вечной обиды.

– Нет, – тихо сказал он отражению. – Так не пойдёт.

Первый шаг – снести это тюремное знамя. Он лёг на кровать, смотря в потолок, и впервые улыбнулся. Но надо было еще собрать информацию.

Бес встал, вышел в коридор, закрыл дверь комнаты и прислушался. В квартире было тихо – мать спала, Галина Семё-

новна, скорее всего, уже закончила свои дела. Но ему нужно было знать больше. Гораздо больше.

Он вышел в коридор, бесшумно ступая по паркету. На кухне горел свет. Галина Семёновна сидела за столом с чашкой чая, глядя в окно на ночной город. Услышав шаги, она обернулась и быстро встала.

– Алексей Алексеевич? Вам что-нибудь нужно? Может, чаю?

– Да, спасибо, – сказал Бес, проходя и садясь за стол. – Чаю хорошо бы.

Она засуетилась, поставила чайник, достала чашку. Бес наблюдал за ней. Женщина лет пятидесяти, аккуратная, собранная, но в глазах – усталость и какая-то застарелая печаль. Такие люди много знают, но редко говорят. Если не спросить правильно.

– Галина Семёновна, – начал он, когда она села напротив, – вы здесь работаете уже полгода. Расскажите мне... про отца и мать.

Она удивлённо подняла бровь.

– Про Алексея Борисовича? Но вы же его сын, вы должны знать лучше меня.

– Я знаю то, что он мне говорил, – спокойно ответил Бес. – А вы видите то, что происходит на самом деле. Расскажите.

Галина Семёновна помолчала, глядя в чашку. Потом тихо заговорила:

– Он приезжает редко. Всегда с подарками, с цветами,

но... как будто по обязанности. Мама ваша ждёт его, наряжается, а он посидит час, поговорит о делах и уезжает. А она потом... – она запнулась.

– Пьёт, – закончил за неё Бес.

– Да. – Галина Семёновна вздохнула. – Я не осуждаю, Алексей Алексеевич. У неё тяжёлая жизнь. Она его любит до сих пор, а он... у него бизнес. Москва.

– А что он говорит обо мне?

Она посмотрела на него внимательно, будто решая, стоит ли говорить правду.

– Он... беспокоится. Звонит, спрашивает, как вы, как учёба. Но, простите, Алексей Алексеевич, разговоры эти короткие. Словно отчёт. А недавно я слышала, как он по телефону говорил с Юрием Сергеевичем... – она осеклась.

– Что говорил? – мягко настаивал Бес.

– Сказал: «Парень сам по себе, пусть учится выживать. Избаловали мы его». – Галина Семёновна опустила глаза. – Извините, я не должна была...

– Всё правильно, что сказали. – Бес отхлебнул чай. – А Семёнов? Он часто бывает?

– Юрий Сергеевич приезжает раз в неделю, проверяет счета, даёт распоряжения. Он... строгий. С вами он был особенно строг, всё говорил, что вы должны соответствовать фамилии.

– Соответствовать, – усмехнулся Бес. – Значит, я был разочарованием.

Галина Семёновна промолчала, но её молчание было красноречивее слов.

– А мать? – спросил он. – Что она рассказывала об отце? Как они познакомились?

– Она рассказывала, что это была любовь с первого взгляда, – тихо сказала Галина Семёновна. – Он тогда только начинал свой бизнес, она работала педагогом, красивая, молодая. Они поженились, родились вы. А потом... потом он уехал в Москву, и всё пошло не так. Она не захотела ехать, не захотела быть "приложением" к богатому мужу. Осталась здесь. Думала, он вернётся. А он не вернулся.

Бес молчал, переваривая услышанное. Картина складывалась печальная: мать, застрывшая в прошлом, отец, откупившийся деньгами, и сын, который был никому не нужен настоящему.

– Спасибо, Галина Семёновна, – сказал он, вставая. – Вы очень помогли.

– Алексей Алексеевич, – она тоже встала, – вы сегодня... другой. Я не знаю, что случилось в больнице, но вы будто повзрослели лет на десять.

– Может, так и есть, – улыбнулся Бес. – Спокойной ночи. Он вышел из кухни, а Галина Семёновна ещё долго сидела, глядя на дверь и качая головой.

3. ПЕРВЫЕ ХОДЫ

Бес проснулся на рассвете – по старой, бойцовой привыч-

ке Александра Волгина, которую тело Алексея ещё не оценило. Мышцы ныли, ребро саднило, но в голове была непривычная ясность.

Он нашёл в шкафу спортивный костюм – дорогой, бессмысленно яркий, – натянул его и выбежал на пустынные улицы утреннего Владивостока, в сторону площади Луговой.

Город только просыпался. Ранний октябрьский рассвет пробивался сквозь туманную дымку, стелющуюся над Золотым Рогом. Воздух был сырой, тяжёлый, пропитанный запахами моря, солярки и прелых листьев. Старые пятиэтажки по сторонам Светланской казались серыми призраками – облупившаяся штукатурка, ржавые водосточные трубы, кое-где окна заколочены фанерой.

Улицы были почти пусты. Только редкие «японки» да грузовики прорывались сквозь утренний полумрак, шурша шинами по мокрому асфальту. Где-то вдалеке прогрехотал трамвай – старый, дребезжащий, с деревянными скамейками внутри, как раз такие ещё ходили по маршрутам в те годы.

Пробежка в первые минуты была мучением. Лёгкие горели, сердце колотилось где-то в горле. Ноги казались чужими, непривычно лёгкими – он постоянно ловил себя на том, что ждёт тяжести собственного, прежнего тела, которой больше не было.

Но уже на втором километре организм, послушный молодости и скрытому тону, начал подстраиваться. Бес ловил ритм, ощущая, как каждым шагом вытаптывает старую, уны-

лую колею жизни Алексея.

Город понемногу оживал. У закрытых ещё ларьков и палаток уже толпились первые продавцы – зябко кутаясь в куртки, перетаскивали ящики с товаром, перекрикивались хрипылыми голосами. Кое-где открывались продуктовые магазины, и у дверей уже выстраивались очереди из старушек с авоськами – за хлебом, за молоком, пока не разобрали.

На остановках собирался народ. Уставшие, не выспавшиеся лица – рабочие спешили на заводы, в порт, в многочисленные конторы, которые потихоньку начинали работать в новом, непривычном ритме. Кто-то курил, нервно поглядывая на часы, кто-то переминался с ноги на ногу, вглядываясь в туман в надежде увидеть долгожданный автобус. Троллейбусы и трамваи ходили с перебоями, часто вставали из-за отключений электричества – обычное дело для Владивостока тех лет.

Вдоль обочин уже выстраивались бабульки с домашними заготовками – банки с солёными огурцами, вязаные носки, старая обувь, какие-то немудрёные вещи. Они молчаливо ждали своих покупателей, тех, кто победнее, кто не мог отовариваться в немногочисленных тогда супермаркетах.

Где-то впереди, на площади Баляева, уже начинал шевелиться знаменитый «китайский» рынок – ряды палаток, контейнеров, просто ящиков, разложенных прямо на земле. Там торговали дешёвым ширпотребом, привезённым из Китая, – куртками, кроссовками, посудой, электроникой. Оттуда уже

доносился глухой гул голосов, выкрики зазывал, звон монет. И рядом с этим рынком, как тени, уже бродили крепкие парни с бритыми затылками – «быки», собирающие дань.

Бес пробежал мимо, краем глаза замечая эту привычную для Владивостока 94-го картину. Он знал этот город. Знал, что за внешней суетой и нищетой скрывается что-то ещё – та самая дальневосточная вольница, смесь портовой романтики, криминала и отчаянной надежды на лучшее.

Ноги несли его вперёд, и с каждым шагом он чувствовал, как новое тело наполняется силой. Старая жизнь Алексея оставалась позади. Впереди была его собственная – в этом странном, противоречивом, но таком живом городе

Вернувшись, он застал в столовой Галину Семёновну, сервировавшую завтрак. Ел быстро, целеустремлённо – овсянку, яйца, творог. Еда как топливо, а не ритуал.

– Галина Семёновна, – сказал он, отодвигая тарелку. – Сегодня же уберите из дома всё спиртное. Всё. Из бара, из шкафов, отовсюду. Вылейте, выбросите, отдайте – мне безразлично. Чтобы больше ни капли.

Домработница замерла с подносом в руках. Удивление на её лице сменилось настороженностью.

– Алексей Алексеевич... а ваша мама? У неё бывают... приступы. Без этого ей может стать хуже.

– Ей станет хуже с этим, – отрезал Бес, и в его голосе впервые прозвучала сталь, не терпящая возражений. – Выливайте. Если будут вопросы – отвечайте, что это моё решение. И

её доктору позвоните. Скажите, что сын настаивает на лечении. Настоящем.

Он не стал ждать ответа.

Бес вернулся в свою комнату и плотно закрыл дверь. Впервые с момента пробуждения в больнице он остался один – по-настоящему один, без врачей, без Галины Семёновны, без матери, которая могла ворваться в любую минуту. Тишина обступила его, и в этой тишине он наконец-то мог спокойно осмотреться.

Комната Алексея была большой, но какой-то безжизненной. Дорогая мебель – письменный стол, шкаф-купе, кровать с ортопедическим матрасом, – но всё это выглядело так, будто здесь никто не жил по-настоящему. Никаких постеров на стенах, никаких личных вещей на виду. Только стопка учебников на столе, пара ручек да старенький компьютер в углу.

Бес подошёл к столу. Учебники за десятый класс – алгебра, геометрия, физика, русский язык, литература. Некоторые были открыты, некоторые заложены закладками. Алексей явно пытался учиться, но, судя по пыли на корешках, попытки эти были не слишком настойчивыми.

Он провёл пальцем по корешку «Войны и мира» – чисто. Толстой стоял нетронутым. Рядом примостилась потрёпанная книжка Джека Лондона «Мартин Иден». Бес усмехнулся. Интересный выбор для подростка, которого травили в школе. Может, Алексей искал в этой книге ответы, может, пример для подражания.

Он открыл шкаф. Одежда висела аккуратно, но безвкусно – дорогие вещи, которые явно покупала мать или Галина Семёновна, но которые совершенно не сочетались друг с другом. В углу валялась спортивная сумка. Бес расстегнул её – внутри лежали старые кроссовки, спортивные штаны и пара гантелей. Видимо, Алексей всё-таки пытался заниматься спортом, но быстро бросил.

На нижней полке шкафа стояла картонная коробка. Бес открыл её. Старые фотографии, школьные грамоты, какие-то мелочи. На одной из фотографий – мальчик лет десяти, счастливо улыбающийся, рядом с женщиной, в которой он узнал мать, ещё не сломленную алкоголем. Отец и сын. Редкий кадр.

Бес отложил фотографии в сторону. Бес осмотрел письменный стол. В ящике стола лежали какие-то бумаги, старые тетради, несколько дискет. И тут его взгляд упал на нечто неожиданное – в углу шкафа, за стопкой книг, стоял металлический сейф.

Бес подошёл ближе. Сейф был закрыт на кодовый замок. Но, присмотревшись, он заметил то, отчего внутри всё жаль: к передней стенке сейфа скотчем был приклеен листок бумаги с цифрами. Код. Алексей, видимо, боялся забыть комбинацию и оставил её прямо на виду. Бес усмехнулся – ну и конспирация.

Он аккуратно отклеил листок. Четыре цифры. Быстро набрал их на замке – щелчок. Дверца открылась.

Внутри лежали документы. Свидетельство о рождении. Какие-то договоры, судя по всему, связанные с деньгами, которые отец переводил на счёт сына. И толстая папка с надписью «Отец».

Бес открыл папку. Внутри были распечатки статей из газет и журналов, фотографии, какие-то официальные бумаги. Алексей, оказывается, собирал досье на собственного отца. Здесь были и биографические данные, и списки компаний, и даже копии каких-то судебных исков. Мальчик пытался понять, кто его отец, пытался найти хоть какую-то связь.

Бес углубился в чтение. Борис Приморский – фигура крупная. Нефть, газ, политические связи. Входил в совет директоров нескольких крупных компаний, имел долю в банках. В Москве его знали, с ним считались. Алексей же остался здесь, во Владивостоке, с матерью, которую отец, судя по всему, просто содержал.

Бес откинулся на спинку стула. Теперь он понимал, почему Семёнов так уверенно держался. За ним стоял человек с колоссальными ресурсами. И этот человек – отец Алексея. Отец, который почти не появлялся в жизни сына, но держал его на коротком поводке через юриста и деньги.

Он закрыл браузер, выключил компьютер. В комнате снова стало тихо. Бес посмотрел на сейф, на папку с документами, на фотографию улыбающегося мальчика.

– Ну что ж, Алексей, – сказал он вслух. – Будем разбираться. Теперь у меня есть всё, чтобы начать.

Он аккуратно сложил документы обратно, закрыл сейф, приклеил листок с кодом на место. Пусть всё остаётся как есть. Пока.

Потом подошёл к окну, отдернул штору. За окном уже смеркалось, город зажигал огни. Где-то там, в Москве, сидел его «отец», не подозревая, что его сын теперь совсем другой человек.

В своей комнате он также нашёл кожаную визитницу. Листал, встречая имена незнакомых людей. И наткнулся на простую карточку: «Евгений Скочилов. Имидж. Стрижка. Только для своих». И шуточный телекс: «Женька-Скоч».

Он набрал номер.

– Алло, Женя слушает.

– Здравствуйте. Это Алексей Приморский. Мне нужна стрижка. Сегодня.

На том конце провода повисла лёгкая пауза.

– Алёш... Алексей? Давно не звонил. Всё в порядке? Конечно, подъезжай.

Через полчаса чёрный Crown остановился у невзрачного подъезда в центре. Салон занимал целую квартиру на первом этаже. Не пафосный салон – личная мастерская для тех, кто знает цену деньгам и отсутствию лишних глаз.

Женька-Скоч оказался худощавым мужчиной лет тридцати с идеальной, ранней сединой на висках и внимательными, как скальпель, глазами. Он обошёл Беса кругами, не скрывая любопытства.

– Кардинально хочешь? – спросил он, беря прядь длинных, безжизненных волос. – Или как обычно – чуть подровнять, чтобы мама не ругалась?

– Кардинально, – твёрдо сказал Бес. – Чтобы не мешало. Чтобы смотрелось серьёзно.

– Тебе бы бриться начать, – пошутил стилист, но, встретившись с его взглядом в зеркале, тут же стал деловит. – Ладно. Будет серьёзно.

Он работал молча, виртуозно. Волосы падали на пол. В зеркале постепенно проступало новое лицо. Не просто коротко стриженное – чёткое, с открытым лбом, с резкими линиями. Бес смотрел на своё отражение и кивал.

– Ну что, воскрес? – улыбнулся Женька, сметая волосы с плеч клиента. – Форма следует за функцией. Теперь функция, я смотрю, изменилась. – Он оценивающе сощурился. – В этих твоих прежних мешках... извини, но это была не одежда, а переноска для тела.

Бес медленно встал, провёл пальцами по укороченным, жёстким на ощупь вискам.

– Стрижка – только каркас. – Он повернул голову, изучая углы. – Теперь нужно наполнение. Где берёшь одежду ты? Не покупаешь – а именно шьёшь или заказываешь.

Женька отложил ножницы.

– Прямой вопрос. Значит, нужен прямой ответ. Я работаю с Лоттой. У неё ателье-бутик на Фонтанной. Она не шьёт для стада. Она проектирует доспехи. Для тех, кто выходит

на поле боя, где оружие – статус, а щит – первый взгляд.

Он выдвинул ящик, достал толстую матовую карту с графикой.

– Договори о встрече, – сказал Бес, глядя прямо на Женьку в зеркало. – Скажи ей, что клиенту нужен не гардероб. Ему нужна новая кожа. Та, в которой он пойдёт по минному полю. И выиграет.

Женька замер, потом медленно достал из внутреннего кармана мобильный телефон.

– Лотта это оценит. – Он отвернулся, набирая номер. – Она любит сложные проекты. Только предупрежу: она будет смотреть не на твой счёт, а в глаза. Если увидит там детскую обиду или позёрство – выгонит. Если увидит сталь – сошьёт тебе вторую кожу.

– Пули мне не страшны, – тихо ответил Бес. – Я уже однажды поймал свою. Теперь мне нужна броня, чтобы её больше не ловить.

Женька усмехнулся уголком губ и начал разговор.

Бутик «LV» на Фонтанной оказался не броским магазином, а просторной мастерской в дворике-колодце.

Сама Лотта – девушка лет двадцати семи в строгом чёрном платье – смирила его взглядом профессионала. Не взглядом продавца к богатому ребёнку, а взглядом скульптора к глыбе мрамора.

– Женька сказал, вам нужно... переродиться, – сказала она без предисловий, медленно обходя его. – Покажите, как

ходите. Как стоите.

Он прошёлся по залу – не как подросток, сутулясь и шаркая, а легко, собранно, с едва уловимой готовностью к движению. Остановился, повернулся к ней.

– Одежда должна давать свободу движению, – сказал он. Голос спокойный, с плотной, упругой силой. – Не сковывать. И говорить, не крича.

Лотта замерла, скрестив руки. Её профессиональная маска дрогнула.

– Интересно... – протянула она. – Обычно ко мне приходят с просьбами «хочу быть модным» или «мне нужно для приёма». А ты говоришь о свободе движений. Как будто готовишь экипировку не на приём, а на поле битвы.

Она подошла ближе, снова взглянула ему в лицо.

– Можно вопрос не по делу? Сколько тебе лет? По паспорту, я имею в виду.

– Семнадцать. Скоро восемнадцать.

– Невероятно, – тихо выдохнула Лотта, качая головой. – Голос, осанка, этот взгляд... Я общаюсь с сорокалетними мужиками, у которых и десятой доли такой собранности нет. Женька недоговорил. Это не просто «перерождение». Что за поле, Алексей? Куда ты собрался в этой новой коже?

Он выдержал её взгляд.

– Школа. Десятый класс.

Лотта рассмеялась – без тени насмешки, от изумления.

– Школа? Ты серьёзно? С такой выправкой – и на уроки

алгебры?

Она помолчала, оценивая.

– Ладно. Раз уж школа... У меня есть знакомая семья. Их дочь, Катя, как раз переходит в десятый класс. Умная, своенравная девчонка. Не из тех, кто слепо следует за толпой. Если тебе понадобится адекватный человек, я могу вас познакомить. Она может стать полезным союзником. Или, по крайней мере, не станет одним из твоих... проблем.

Бес кивнул.

– Было бы полезно. Если она поможет с учебой... Спасибо.

– Значит, договорились. – Лотта снова стала деловой. – А теперь давай займёмся твоей экипировкой.

Через два часа он заказал полный гардероб. Но когда дело дошло до примерки готовых вещей, выбрал не самое броское: тёмно-серый тонкий пиджак, чёрную водолазку, идеально сидящие чёрные джинсы. Подошёл к зеркалу.

Лотта стояла сзади, смотрела на отражение.

– Идёт, – констатировала она. – Совершенно. Одежда – только половина. Вторая половина... она уже есть. Та, что внутри. С этим иди куда угодно. Даже в десятый класс.

– Вторую половину я и буду там предъявлять, – сказал Бес, не отрываясь от зеркала.

В отражении смотрел на него уже не Алексей Приморский и даже не Александр Волгин в чистом виде. Смотрел кто-то третий. Тот, кого ещё только предстоит построить.

По дороге домой, в салоне Stown, он смотрел на вечерний Владивосток. Он потратил кучу денег, но это была не трата. Инвестиция. В новую оболочку для старой, яростной души. Визитка Семёнова лежала во внутреннем кармане пиджака. «По всем финансовым вопросам». Бес усмехнулся. Пусть теперь платит за экипировку – это дешевле, чем похороны.

Краун уже сворачивал на Светланскую.

Покой элитного подъезда взорвался, едва он открыл дверь. Из глубины квартиры доносился сдавленный женский крик, грохот разбиваемой посуды.

В гостиной был хаос. На полу возле барной стойки лежали осколки хрустальной вазы. Елена Сергеевна, в помятом шёлковом халате, с дико блестящими глазами и растрёпанными волосами, металась по комнате.

– Где?! – сипела она, шаря руками по полкам опустошённого бара. – Ты что, всё вылила, стерва?! Я уволю! В гроб вгонишь!

Галина, бледная, пыталась её удержать.

– Елена Сергеевна, успокойтесь, доктор запретил... Алексей Алексеевич скоро приедет...

Мать резко обернулась на стук в прихожей. Увидев сына, на мгновение застыла, а потом её лицо исказила новая, яростная волна.

– Ты! – выкрикнула она, пошатываясь. – Ты сговорился с этой домработницей! Вы всё у меня отняли! Он ушёл из-за тебя! Ты слабый, ничтожный, и он это понял! А теперь и

последнее отнимаешь!

Её слова, отравленные алкоголем и болью, били точно в те раны, которые носил в себе настоящий Алексей. Но встречали они теперь не хрупкую оболочку подростка, а стальную броню Беса.

Он не отшатнулся. Спокойно снял новый пиджак, аккуратно повесил его на спинку стула. Этот простой, размеренный жест парализовал истерику на секунду.

– Мама, – сказал он твёрдо, перекрывая её голос. Не громко, но так, чтобы было слышно. – Спокойно. Никто ничего у тебя не отнимает.

– Как не отнимает?! – взвыла она снова, но уже без прежней силы. – Вино! Где моё вино?! Мне плохо! Мне нужно!

– Тебе не нужно вино. – Его голос был ровным, как лезвие. – Тебе нужен сон. Ты себя убиваешь. И ему, – Бес кивнул куда-то в пространство, – только этого и надо. Чтобы ты сама себя уничтожила. И тогда он будет прав. Во всём.

Он сделал шаг к ней. Взял за плечи – тонкие, дрожащие.

– Посмотри на себя. – Он говорил тише, почти шёпотом, но с такой недетской силой убеждения, что она замерла. – Ты умная. Ты красивая. Ты сильная. Просто забыла об этом. Из-за него. Не дай ему победить вот так.

Слёзы – настоящие, горькие, без истерики – хлынули у неё из глаз. Вся злость схлынула, оставив лишь бесконечную усталость.

– Я не могу... Лёша, я не могу так больше...

– Можешь. – Он говорил уже мягче. – Я помогу. Но пить – нельзя. Это путь в никуда. Помнишь, какой ты была?

Она закрыла глаза, её тело обмякло.

Он и Галина Семёновна помогли ей дойти до спальни, уложили в постель. Елена Сергеевна уже не сопротивлялась, просто тихо плакала, сжавшись калачиком.

– Спи, мама, – сказал он, поправляя одеяло. Его рука легла на её лоб – жест, странно сочетающийся с его юным лицом и новой, взрослой строгостью. – Я сделаю всё, чтобы ты была счастлива. Я обещаю.

Он не знал, слышала ли она. Но сказал это как клятву. Не столько ей, сколько самому себе. И тому, кто доверил ему эту жизнь.

Выйдя в коридор, он встретил взгляд Галины Семёновны. В нём уже не было прежней настороженности. Было потрясение, граничащее со страхом, и новое, глубинное уважение.

– Я... я не знала, что сказать... она никогда...

– Теперь знаете, – отрезал Бес. – Никакого спиртного. Никогда. Если будут срывы – звоните доктору. И мне.

– Он... может приехать, если узнает о сцене... – Она вспомнила о юристе.

– Пусть приезжает, – тихо сказал Бес, глядя на закрытую дверь спальни. – Как раз хочу с ним поговорить. О новых правилах.

Он прошёл в свою комнату, закрыл дверь. Прислонился к ней спиной. Руки слегка дрожали – не от страха, от выброса

адреналина. Первая рукопашная в новом теле была выиграна. Противником была не абстрактная «система», а её живое, страдающее воплощение.

Он подошёл к зеркалу. Отражение в новом пиджаке, со свежей стрижкой смотрело на него. В глазах горела та самая ярость Беса, но теперь она была обуздана холодным расчётом и новой, странной ответственностью.

В прихожей раздался звонок.

Бес медленно выпрямился, поправил воротник водолазки и шагнул к двери.

Бес шагнул в коридор. Галина Семёновна уже открыла дверь, и в проёме стоял Семёнов – идеальный костюм, очки в тонкой оправе, холодная улыбка на лице. Увидев Алексея, он чуть приподнял бровь – кажется, даже его невозмутимость дала трещину.

– Алексей? – голос юриста прозвучал с лёгкой вопросительной ноткой. – Ты... изменился.

– Заходите, Юрий Сергеевич, – спокойно ответил Бес, отступая в сторону. – Чай? Кофе?

Семёнов вошёл, снял пальто, протянул Галине Семёновне, даже не взглянув на неё. Его взгляд скользил по фигуре Алексея, по новой стрижке, по чёрной водолазке, по осанке. Остановился на лице.

– Ты постригся. И одежда... – он помолчал. – Неожиданно.

– Жизнь заставляет меняться, – Бес пожал плечами и на-

правился в зал. – Пройдёмте. Там поговорим.

Семёнов последовал за ним. Бес жестом предложил гостю сесть, сам устроился напротив.

– Я без предупреждения, – начал Семёнов, садясь и поправляя манжеты. – Решил проверить, как ты после больницы. Отец просил.

– Со мной всё в порядке. Как видите.

– Вижу. – Семёнов пристально смотрел на него. – Более чем в порядке. Ты выглядишь... собранным. Раньше ты выглядел иначе.

– Раньше я был другим, – Бес выдержал его взгляд, не моргнув. – Авария многое меняет.

Повисла пауза. Семёнов явно пытался считать информацию, но наталкивался на ровную, непроницаемую стену.

– Ладно, – юрист откинулся на спинку стула. – Перейдём к делу. Я видел счета из ателье и от Женьки. Ты потратил довольно приличную сумму. Объяснишь?

– Я купил одежду. Привёл себя в порядок. – Бес говорил спокойно, без тени оправдания. – Это мои деньги. Я имею право.

– Твои деньги контролирую я, – жёстко напомнил Семёнов. – До твоего совершеннолетия.

– Значит, пора менять правила, – отрезал Бес. – Я больше не ребёнок, Юрий Сергеевич. И не собираюсь жить под колпаком. Если хотите, можете позвонить отцу и сказать, что его сын сошёл с ума и тратит деньги на приличную одежду.

Семёнов нахмурился. В его глазах мелькнуло что-то похожее на удивление – или даже тревогу.

– Ты странно себя ведёшь, Алексей.

– Я веду себя так, как должен. – Бес подался вперёд. – Скажите отцу, что я в порядке. Что я сам разберусь со своей жизнью. И передайте ему: спасибо за заботу, но опека больше не нужна.

Семёнов молчал долго, изучая его лицо. Потом медленно кивнул.

– Хорошо. Я передам. Но учти: если возникнут проблемы, ты знаешь, где меня искать.

– Знаю.

Юрист поднялся, одёрнул пиджак. У двери обернулся.

– И ещё, Алексей. Твоя мать... с ней всё в порядке? Я слышал крики, когда заходил.

– Всё под контролем, – твёрдо ответил Бес. – С ней теперь я разберусь.

Семёнов хмыкнул – то ли скептически, то ли с невольным уважением – и вышел. Дверь за ним закрылась с мягким щелчком.

Бес остался один. Прошёл в гостиную, посмотрел в окно. Внизу чёрный «Краун» Семёнова тронулся с места и скрылся за поворотом.

За окном темнел Владивосток, зажигались огни. Где-то в порту гудели корабли, где-то на рынках закрывались палатки, где-то бандиты делили улицы. А он, Бес, только начинал

свою игру.

Игра будет долгой. Но теперь у него было всё, чтобы в неё сыграть.

4.СОЮЗНИКИ

Утро началось не с криков, а с тишины. Бес, уже одетый для пробежки, прошёл мимо спальни матери. Дверь была приоткрыта. Елена Сергеевна спала, её дыхание было ровным, а лицо, очищенное от вчерашней гримасы боли, казалось почти спокойным. Шаг вперёд, констатировал он про себя.

Пробежка давалась уже легче. Тело запоминало нагрузку. Возвращаясь, он услышал на кухне не только звук посуды, но и низкий, спокойный женский голос. Галина Семёновна разговаривала с кем-то по телефону: «...да, доктор, спокойная ночь. Нет, не просила... Да, передам. Спасибо». Она увидела его, кивнула с тем же новым, уважительным вниманием. «Доктор звонил. Сказал, если будет держаться ещё день-два, можно начинать говорить о лёгких седативных вместо... прежнего».

Прогресс. Медленный, но необратимый. После завтрака раздался звонок городского телефона. Галина Семёновна подняла трубку, удивилась и посмотрела на него: «Вас... Катя какая-то. Говорит, от Лотты».

Быстро, – подумал Бес. Лотта не теряла времени.

Они быстро договорились встретиться в «Кофе Хаусе» на

Фонтанной.

«Кофе Хауз» оказался местом не для тусовок, а для деловых встреч. Тихий, с хорошим кофе. Катя уже сидела за столиком у окна, изучая расписание в своём ежедневнике. Лет семнадцати. Невысокая, спортивного сложения, с живыми карими глазами и тёмными, коротко стриженными волосами, уложенными с небрежным шиком. Джинсы, просторный свитер, рядом лежал рюкзак.

– Катя, – представилась она, пожимая ему руку. Рукопожатие было коротким, крепким, без девичьей жеманности. – Мне Лотта сказала, что тут есть персонаж, который собирается штурмовать десятый класс. Решила посмотреть. Заодно, если что, – кивнула она на рюкзак, – могу помочь с тем, что уже подзабыл за лето. Если, конечно, тебе не нужна помощь в том, как правильно носить этот пиджак – с этим у тебя, я смотрю, всё отлично.

Она говорила быстро, умно, с лёгкой иронией. Прямая. Напористая. Не глупая. Бес мгновенно оценил её как потенциально ценный актив. Но подойти нужно было правильно. Не как взрослый дядя к ребёнку, и не как заискивающий одноклассник.

– Алексей, – отозвался он, присаживаясь. – Штурм – громко сказано. Скорее, планомерное занятие территории. А пиджак – это просто удобная униформа.

– Униформа для чего? – тут же парировала Катя. Она не отрывала от него взгляда, ловя каждую реакцию.

– Для переговоров, – серьёзно ответил он. – В школе ведь всё строится на них, верно? Только чаще всего – на сломанном языке угроз и сплетен. Я предпочитаю чёткие условия.

Катя слегка приподняла бровь. – Я учусь в твоей школе в параллельном классе. Я знаю, что твои проблемы, это ни угроза и сплетни, а четверка малолетних бандитов и издевательства.

Вот она, первая проверка. Бес позволил себе лёгкую усмешку.

– Люди меняются, Катя. Иногда для этого нужно... сильно стукнуться. В прямом смысле. После чего открываются новые перспективы и желание говорить прямо.

Он сделал паузу, давая ей переварить информацию.

– Лотта сказала, ты хочешь в вуз. Какой? – сменила она тему, демонстрируя, что намёк поняла и линию атаки сменила.

– Экономика или международные отношения. МГИМО или ВШЭ. Что-то, где нужна стратегия, а не просто заучивание.

Ответ был настолько далёк от предполагаемых интересов бывшего Алексея, что Катя присвистнула.

– Амбициозно. С нашей школы в такие места – раз-два и обчёлся. Конкурс бешеный. Тебе репетиторов нанимать надо, а не со мной учебники листать. А может, проще: папик заплатит за учёбу и выбирай на вкус и цвет – хочешь в России, хочешь в Штатах...

– Репетиторов нанимать будут, – кивнул Бес. – Но мне нужен не репетитор. Мне нужен советник. Кто знает местные порядки, расстановку сил, подводные течения. Кто может сказать, у какого учителя какой подход, на кого можно давить знаниями, а к кому лучше не лезть. Кто в нашем классе реально влияет на мнение, а кто просто шумит. Информация – тоже ресурс. И я хочу учиться в России и не за счёт отца.

Он говорил с ней, как на совещании. Не сюсюкал, не упрощал. И видел, как в её глазах сначала мелькало недоверие, потом интерес, а сейчас – азартное любопытство.

– Ты хочешь карту местности с указанием мин и союзников, – резюмировала она. – Зачем? Чтобы просто отсидеться и поступить?

– Чтобы контролировать территорию, – спокойно поправил он. – Чтобы та среда, которая когда-то была... токсичной, перестала быть для меня угрозой и стала инструментом. И чтобы у тех, кто привык считать себя хозяевами этой среды, возникли вопросы.

Катя задумалась, на несколько секунд уставившись в окно на залив.

– Интересное предложение, – наконец сказала она. – Похоже на авантюру. Но скучной учёбы мне и самой уже под завязку. Ладно. Я буду твоим «советником по внутренней политике». Но за два условия.

– Я слушаю.

– Первое: никакого пафоса и мажорства. Ты не князь, а я не придворная дама. Мы – стратегические партнёры.

– Принято.

– Второе: если уж штурмовать – то вместе. Мне тоже МГИМО интересен. Так что давай делать это как команда. Ты обеспечиваешь ресурсы и... эту самую железную волю, которую у тебя сейчас из ушей прёт. А я – информацию, связи и прикрытие в школьных джунглях.

Она протянула руку для повторного рукопожатия, на сей раз – как для сделки.

Бес взял её руку. Её хватка была твёрдой. Первый союзник заключён. На удивление, адекватный и перспективный.

– Договорились, партнёр, – сказал он.

Они проговорили ещё час. Катя рассказала ему про школу, расклад по учителям, охарактеризовала основных «авторитетов» из их параллели. Бес слушал, запоминал, задавал уточняющие, взрослые вопросы о мотивах и слабостях, которые заставляли Катю смотреть на него с возрастающим уважением. Это был не диалог подростков.

В конце он попросил её порекомендовать хорошую «качалку».

Катя на секунду задумалась, постукивая карандашом по столу.

– Качалку? Серьёзно? Ну, если не для понтов, а для дела – есть «Атлант» на Строительной. Старое заведение, без зеркал и гламура. Там тренер – дядя Витя, брат моего отца,

морпех в отставке. Жёсткий, но золотые руки. Скажешь, от меня. Он тебя без лишних вопросов возьмёт, если увидит, что ты не валяешь дурака.

Она записала адрес и номер на салфетке и протянула её «Бесу».

– Спасибо, – кивнул он, убирая салфетку во внутренний карман пиджака. – Это полезно.

– Только не перекачайся в первого же полубога, – с лёгкой усмешкой добавила Катя, собирая свои вещи. – Мозги нам пока важнее мускулов. Итак, план действий: я к понедельнику составлю для тебя полное досье на десятый «Б» и преподавателей. А ты... готовься вкалывать. Первая же контрольная по математике у Хрусталёвой всех рассудит.

– Жду досье, – поднялся и Бес. – И спасибо. За разговор.
– Не за что, партнёр, – Катя взбросила рюкзак на плечо.
– Пока это просто интересный эксперимент. Докажи, что ты стоишь большего.

Она кивнула и направилась к выходу быстрым, уверенным шагом. Бес остался на мгновение, допивая остывший кофе. Первая ниточка на новом поле была протянута. И ниточка, на удивление, оказалась крепкой и умной. Теперь предстояло плести сеть.

Он расплатился и вышел на улицу. Прохладный воздух пах морем и опавшими листьями. Впереди были выходные – последние спокойные часы перед началом большой игры. Нужно было составить подробный план, расписать приори-

теты, начать готовить тело и разум. Шаг за шагом.

Он , уже чувствовал, как в голове складывается чёткий, холодный алгоритм действий. Война начнётся в понедельник.

Он сел в машину и попросил водителя подвезти его на Вторую речку. Оставив водителя ждать его недалеко на площадке, он двинулся к знакомому дому. Когда он подошел к подъезду, никого не было. Дверь, когда-то закрывавшаяся на кодовый замок, теперь висела на честном слове – кнопки выдраны, доводчик сломан, кто-то подпёр кирпичом. Владивосток 94-го не церемонился с подъездными дверями.

Внутри пахло сыростью, кошками и перепревшими листьями, которые нанесло с улицы. Стены исписаны – телефоны, имена, короткие ёмкие фразы, смысл которых был понятен только посвящённым. Лампочки на лестничных клетках не горели – кто-то давно выкрутил.

Он поднялся на первый этаж. Почтовые ящики здесь представляли жалкое зрелище – жестяные коробки, крашеные синей краской, которая давно облупилась и свисала лохмотьями. Большинство замков было сломано ещё в прошлом году, ящики зияли пустотой, из некоторых торчали клочки газет и рекламных листовок.

Ящик Беса – двенадцатый – оказался целее других. Ржавый замок висел на соплях, но держался. Алексей дёрнул – бесполезно. Осмотрелся, нашёл на подоконнике обломок арматуры, просунул под дужку и нажал. Металл жалобно

хрустнул, замок отлетел в угол.

Внутри было пусто. Только на самом дне лежала старая связка ключей на потёртом кольце.

Он взял их в руку. Металл был холодным, тяжёлым. На кольце болталось несколько штук – от квартиры, от этой самой двери подъезда, ещё один маленький, от какого-то ящика или шкафчика. И брелок – пожелтевший пластмассовый боксёр в стойке, дешёвый, рыночный, но бережно хранимый.

Алексей сжал ключи в кулаке. Кровь стучала в висках, но не от усталости.

Квартира Беса ждала его на третьем этаже. И он почему-то боялся туда заходить. Он поднялся на третий этаж. Здесь лампочка чудом работала – тусклая, жёлтая, натужно мигающая, будто вот-вот собиралась перегореть. Свет выхватывал из темноты облупившуюся краску на стенах, старую дверь с ободранным дерматином и цифру «12» – выцветшую, едва заметную.

Алексей стоял перед дверью, сжимая в руке связку ключей. Сердце колотилось где-то в горле. Три года Бес жил за этой дверью. Три года возвращался сюда после тренировок, пил чай на кухне, смотрел телевизор, ложился спать. А теперь его нет. И есть только он – чужой человек в чужом теле, держащий в руке ключи от чужой жизни.

Он сунул ключ в замочную скважину. Провернул. Замок щёлкнул сухо, гулко – звук разнёсся по подъезду, заметался между этажами. Алексей толкнул дверь и шагнул внутрь.

Тьма. Запах закрытого помещения – пыль, старый табак, что-то ещё неуловимое, мужское, родное. Он нашарил на стене выключатель. Щелчок – и в прихожей загорелся свет.

Всё было просто. Скромно, даже аскетично. Узкий коридор, вешалка с пустыми плечиками, обувная полка, на которой сиротливо стояли старые разношенные кроссовки. Зеркало в прихожей – мутноватое, в деревянной рамке. В нём отразился Алексей – чужое лицо, чужие глаза, но смотревшие уже по-своему.

Он прошёл в комнату.

Небольшая, метров пятнадцать. Диван-книжка, застеленный пледом – простым, шерстяным, в клетку. У стены шкаф-стенка, старая, ещё советская, с полировкой, местами облупившейся. На полке – книги. Немного, штук двадцать. Кофейный столик, на нём пепельница – чистая, пустая, будто хозяин просто вышел на минуту и скоро вернётся.

Телевизор «ГолдСтар» на тумбочке. Газеты на подоконнике – старые, месячной давности, ещё с объявлениями о тренировках в «Воднике».

Алексей подошёл к окну, отдернул штору. Внизу – двор, помойка, редкие прохожие. Жизнь шла своим чередом, не замечая, что в одной из квартир только что воскрес мёртвый.

Он сел на диван. Пружины скрипнули привычно, по-хозяйски. Странное чувство – сидеть на диване человека, которым он был раньше. Чья судьба переплелась с другой судьбой.

На столике лежала потрёпанная записная книжка. Алексей взял её, пролистнул. Телефоны, адреса, какие-то пометки. Тренерские записи. Схемы боёв, нарисованные от руки. И в конце – несколько фотографий, засунутых под обложку.

Он вытащил их.

Старый снимок – Бес на ринге, молодой, с поднятой рукой в победном жесте. Ещё один – групповая фотография, человек десять в спортивных костюмах, среди них Бес и Виктор Саныч, оба моложе, без седины. И последняя – совсем старая, чёрно-белая. Мужчина и женщина стоят рядом, смотрят в камеру. Мужчина – в военной форме, подполковник. Женщина – с добрым лицом, в строгом платье, улыбается.

Родители Беса. Приёмные родители. Те, кто забрал его из детдома и подарил ему семь лет счастья в Воронеже.

Он убрал фотографии обратно в книжку, положил себе в карман. Прошёлся по комнате, открыл шкаф. Внутри – старая спортивная сумка «Адидас», потёртая, с молнией на боку. Он расстегнул. Все было на месте. Видно никто с работы сюда не приходил. А хозяйка квартиры придет только в конце месяца.

Он нашел коробку из под телевизора. Там лежали вещи, от которых перехватило дыхание.

Фотография в рамке – Бес с пацанами из «Водника», прошлогодняя, все улыбаются. Несколько грамот, потрёпанных, вложенных в файлы. Медали, завёрнутые в бархатную тряпочку. И армейский альбом – тяжёлый, в твёрдой обложке, с

тиснением «Дембель» на обложке. Алексей сел на пол, прямо рядом со шкафом, и открыл альбом.

Чёрно-белые и цветные фотографии, наклеенные на картонные листы. Солдаты в форме, казарма, учения. Молодые лица, смеющиеся, серьёзные, усталые. Подписи, сделанные каллиграфическим почерком: «В увольнении, 1980», «На стрельбище», «Сослуживцы, дембель 81-й».

И одна фотография, на которую он смотрел дольше всего. Группа бойцов в пятнистой форме, с автоматами, на фоне гор. Сухие, выжженные склоны, вертолёт в небе. Снимок любительский, плохого качества, но лица различимы. Крайний слева – молодой Волгин, с автоматом на груди, смотрит прямо в объектив. Взгляд спокойный, уверенный, чуть усталый.

На обратной стороне надпись 20 сентября 80-й.

Алексей провёл пальцем по снимку. Вот оно. Откуда взялся тот позывной. Откуда взялась та сталь в глазах. Откуда взялась готовность умереть, но не бросить своих.

Алексей закрыл альбом. Посидел ещё немного, глядя в стену. Потом аккуратно сложил все в сумку.

Он вышел из квартиры, запер дверь. Постоял на лестничной клетке, глядя на облупившуюся цифру «12». Потом сунул ключи под дверь.

Старый почтовый ящик сиротливо зиял пустотой. Обломок арматуры валялся на полу.

Алексей вышел из подъезда, вдохнул сырой морской воз-

дух. Город жил своей жизнью – куда-то спешили люди, гремел трамвай, кричали чайки.

Сев в машину попросил водителя отвезти домой.

Приехав домой, Бес засунул сумку в сейф и поменял код, потом зашёл к матери. Она сидела в кровати, прислонившись к подушкам, и пила чай. Взгляд был уставшим, но ясным.

– Ты где был? – спросила она тихо.

– С одноклассницей встречался. Будем готовиться к поступлению в вуз вместе.

– Ты... другой стал, Лёша. Как будто... повзрослел за одну ночь.

– Просто понял, что так больше нельзя, мама, – мягко ответил он. – Ни тебе, ни мне. Мы начинаем новую жизнь. Постепенно.

Она протянула руку, он взял её. Её пальцы были холодными, но сжимали его с непривычной силой. Не просьбой о помощи, а скорее – подтверждением договора. Вечером он собрал школьную сумку. Не просто сложил учебники. Он укомплектовал её. Блокнот для планов и конспектов, дорогие, надёжные ручки, дополнительная литература, которую рекомендовала Катя. Каждый предмет занимал своё чёткое место.

Посмотрел на себя в зеркало прихожей. Короткие волосы, тёмный пиджак, прямой взгляд. В отражении стоял проект «Алексей Приморский 2.0». Оболочка была готова. Контент – опыт, воля, ярость старого «Беса» – был на месте. По-

явился первый союзник. Начинала выстраиваться стратегия.

Скоро – поле боя, школа. Он лёг спать, и впервые за все дни в этом теле его сон был спокойным и глубоким, без кошмаров. Он был готов. Не как жертва, возвращающаяся на место преступления. А как рейдер, пришедший отжать неправильно управляемую территорию.

5. ВОЙНА НАЧИНАЕТСЯ С ПОНЕДЕЛЬНИКА

Занятий в первый день и не намечалось. Инна Павловна провела переключку. Бес сидел за третьей партой слева. Назвали его фамилию, он откликнулся четко и громко, не оборачиваясь. Спиной он ощущал, как четверка короткостриженных синхронно разворачивается в его сторону. Он видел их недоуменные, а затем медленно проясняющиеся усмешки в тёмном отражении оконного стекла. Стая почуяла знакомый запах, но облик добычи сбивал с толку.

Через пятнадцать минут вступительная речь классной руководительницы подошла к концу.

– Ну вот, ребята, на первый раз и достаточно. Директор хотел зайти поздравить... Подождите минутку, я посмотрю, идёт ли он.

Она вышла в коридор, оставив дверь приоткрытой. В классе на секунду воцарилась тишина, а затем её тут же заполнил нарастающий гул голосов. Бес не шелохнулся, продолжая разглядывать учебник литературы на столе. Он ждал. Рассчитывал, что атака будет не сразу, но стая оказалась

нетерпеливой.

Шаги сзади были тяжёлыми, не старающимися быть тихими. Бес не повернулся. Он мысленно отметил точное расстояние по звуку и расслабил шею, готовясь к удару.

В классе наступила мёртвая тишина. Все замерли. Бес медленно, с преувеличенной аккуратностью, закрыл учебник. Затем так же медленно повернулся на стуле.

Перед ним стоял Димка «Бульдог» Сомов, а чуть сзади, как тень, вертлявый Санёк «Шнырь». Ухмылка на лице Сомова была знакомой – наглой и самодовольной.

– Братва, гляньте! – громко, на всю классную, объявил Сомов. – Наш «мажор» с калибровочки вернулся. Чего, «Приморский», «фейс» решил сменить?

Его друг, Санёк, хихикнул и добавил, играя роль шута:

– Да он, Диман, просто «завязал» со старой «темой». Теперь он у нас «правильный» пацан стал. Может, «по понятиям» нам разложит?

Они ждали реакции – страха, замешательства. Язык, на котором они говорили, был шифром, призванным унижить и отгородиться. Но Бес знал его слишком хорошо.

Он поднял глаза. Его взгляд был не пустым, а тяжёлым, усталым и бесконечно превосходящим. Взглядом взрослого, которого отвлекли от важного дела детские крики. Он молча, несколько секунд, смотрел на Сомова, затем на Санька, будто сверяя их с каким-то внутренним списком. Усмешки на их лицах начали тускнеть под этим молчаливым давлением.

– Вы закончили? – спросил он наконец. Его голос был тихим, ровным и абсолютно лишённым каких-либо игр. – Ваш примитивный спектакль с попыткой говорить на жаргоне, смысла которого вы сами до конца не понимаете?

Сомов нахмурился, сбитый с толку тоном, а не словами.

– Чего?

– Я спрашиваю, закончили ли вы изображать из себя крутых из дешёвого сериала, – повторил Бес, медленно поднимаясь. Он не «вскакивал», он именно поднимался, как встают из-за стола переговоров. – Вы тратите время. Моё и своё. Вы пытаетесь испугать меня тем, что пугает вас самих – выдуманными «понятиями» и сказками про «общак». Взрослые, серьёзные люди так не разговаривают. Так кривляются мальчишки, которым не хватает ума занять себя чем-то полезным.

– Ты чё несёшь? – уже без прежней уверенности буркнул Сомов, чувствуя, как почва уходит из-под ног. Его пытались «строить» много раз, но никогда – так, как будто он невидимое стеклянное насекомое под микроскопом.

– Я говорю на понятном языке, – холодно отрезал Бес. – Запомни раз и навсегда. Ко мне не подходят сзади. Меня не трогают. Меня не оскорбляют. Это не угроза. Это – условия моего присутствия здесь. Нарушишь – разговор будет другим. Коротким. И без этих ваших глупых словечек. Ты меня понял?

Он сделал шаг вперёд, не для устрашения, а для того, что-

бы сократить дистанцию до интимной, до дистанции разговора один на один, где вся шелуха «братвы» испарялась.

– Вам кажется, что вы что-то решаете здесь, в этих стенах, – продолжил он, уже почти шёпотом, но так, что Сомов отчётливо слышал каждое слово. – Вы ничего не решаете. Вы – фон. Шум. Меня интересует учёба. Не мешайте мне – и я не обращаю на вас внимания. Решите помешать – я вас устраняю с моего пути. Без шума, без этих ваших «разборок». Тихо и навсегда. Выбор за тобой.

Он отступил на шаг, дав тому вдохнуть. В глазах Сомова бушевала смесь злости, растерянности и впервые – настоящего, ледящего сомнения. Этот человек не играл в их игру. Он говорил, как тот, у кого есть план Б, В и Г, и все они хуже для них, чем любая драка.

В этот момент в дверь вошла Инна Павловна.

– Сомов! Ты что тут устроил? Немедленно на место!

Сомов, пойманный врасплох не столько учительницей, сколько полным крахом своей атаки, молча, с тёмным от злости лицом, отступил. Он даже не нашёлся что буркнуть. Его язык, весь его нарочито-грубый мир, оказался бесполезен против этой ледяной, взрослой конкретики.

Бес молча развернулся и сел. В классе стояла гробовая тишина. Но он чувствовал не победу, а тяжёлую, липкую волну неприязни, исходившую от той самой четвёрки. Унижение требовало отмщения, иначе рушился весь их хлипкий авторитет, построенный на страхе.

«Объявлять войну было ошибкой, – холодно констатировал он про себя. – Нужно было не дразнить, а сразу сломать. Но тело ещё не готово».

Инна Павловна что-то говорила о расписании, о важности учебного года. Бес не слушал, пропуская слова мимо ушей. Он видел, как Сомов, не отрываясь, смотрел на него взглядом, в котором кипела уже не просто злость, а паническая необходимость что-то доказать.

Через полчаса всех отпустили по домам. Едва Бес вышел за школьные ворота, его окружили.

– Пошли, «серьёзный», – сипло сказал Сомов, блокируя путь. – Надо кое-что «перетереть». Без училок. На спортплощадке.

Бес медленно обвёл взглядом всех четверых. Они были готовы. Отказ означал бы бегство и мгновенную потерю всего, что он только что отвоевал словом.

– Пошли, – коротко кивнул он.

Спортивная площадка за школой встретила их пустотой. Первый удар Сомов нанёс без предупреждения, рассчитывая на подлость. Бес уклонился, движением корпуса пропустив кулак мимо, и коротко, ребром ладони, ударил нападавшего в солнечное сплетение. Тот согнулся с хрипом, выходя из боя.

Но тут набросились остальные. Бес работал экономно: блок, жёсткий отбив, удар в мягкие ткани. Он не бил в челюсть, не ломал суставы – его цель была не покалечить, а

обезвредить. Второго, бросившегося сбоку, он встретил локтем в корпус, и тот отлетел, хватаясь за рёбра. Третий замешкался – Бес подсечкой опрокинул его на землю.

«Пацаны. Глупые щенки. Их жалко», – пронеслось в голове старого «Беса», мешая холодным рефлексам убийцы жалостью, неуместной в этой песочнице.

И это была его ошибка. Четвёртый, которого он пропустил в горячке, бросился сзади и сбил его с ног. Сомов, оправившись от удара, подскочил, и на «Беса» обрушился град ударов ногами. Он скрутился калачиком, закрывая голову руками, принимая удары на локти и рёбра. Боль была острой и унижительной. Не от побоев, а от собственной слабости, от этой проклятой немощной оболочки.

В следующий момент удары прекратились. Раздались крики учителя физкультуры, бежавшего из спортзала. Катя стояла у угла школы – именно по её сигналу учителя высыпали во двор. Её лицо было бледным, но взгляд горел.

– Жив? – только и спросила она, когда взрослые растаскивали его взъерошенных обидчиков.

– Цел, – отхаркиваясь, встал он. Тело ломило, губа была разбита, но ничего сломанного он не чувствовал. Унижение жгло сильнее синяков.

Она молча подняла его потрёпанный портфель и пошла рядом. Не поддерживая, не сочувствуя. Просто – рядом.

– Ты... их четверых. Один. И почти уложил троих, – наконец проговорила она, и в её голосе не было жалости. Там

было восхищение. – Они набросились все разом, как стая. А ты... ты дрался, как будто знал, куда бить. Но почему не дожимал? Боялся?

– Я не могу здесь детей калечить, – хмуро ответил он, прикладывая окровавленный платок к губе. – Последствия будут не те. А это тело... оно не слушается. Слишком слабое. Слишком молодое. Я недооценил это.

Катя на секунду задумалась, впитывая странные формулировки.

– Значит, твоя «железная воля» упёрлась в мышцы, которые за лето отвыкли? – спросила она без насмешки, с деловым интересом.

– Что-то вроде того.

– Тогда план ясен, – решительно сказала она. – Тебе нужна усиленная «качалка». И не просто «качалка» – а чтобы тебя научили не просто бить, а побеждать. Дядя Витя ждёт.

В её глазах горел тот же азарт, что и в кафе. Интерес к сложной задаче. Она видела не избитого одноклассника, а перспективный, но сырой проект, который потерпел первую тактическую неудачу из-за недоработки.

– До завтра. А пока... – она протянула ему портфель. – План «контроль территории» провален. Переходим к плану «тотальное превосходство». Физическое и интеллектуальное. Начинаем с завтрашнего дня. Ты согласен, партнёр?

Он взял портфель, выпрямившись, игнорируя боль.

– Согласен.

Возвращение домой было молчаливым и тяжёлым. Каждый шаг отдавался ноющей болью в боках, а разбитая губа пульсировала. Катя оставила его у подъезда с коротким: «Час на приведение себя в порядок. Потом звоню – обсуждаем план».

Квартира встретила тишиной и запахом лекарственного отвара – Галина Семёновна, видимо, пыталась заварить успокоительные травы. Бес тихо прошёл в ванную, заперся и впервые за долгое время внимательно, без гнева, а с холодной оценкой, осмотрел себя в зеркале.

Картина была неприглядной, но не критичной. Фингал над левым глазом, ссадина на скуле, разбитая и опухшая нижняя губа. Синяки проступали на рёбрах. «Слабость. Недосмотр. Эмоция – жалость – помешала тактике. Непростительно», – безжалостно резюмировал он.

Он действовал методично: холодная вода на лицо, аккуратная обработка ссадин перекисью, жгучий йод на синяки. Из аптечки нашёл гель от ушибов. Физическую боль он игнорировал, переводя в разряд досадных тактических помех. Гораздо важнее было устранить визуальные следы поражения перед матерью.

Но не успел. Дверь в ванную тихо приоткрылась. Елена Сергеевна стояла на пороге, и в её глазах, только начавших обретать ясность, вспыхнул настоящий, животный ужас.

– Лёша... Боже мой, что с тобой? Кто это? Опять они? – голос её сорвался на высокую, болезненную ноту. Она сдела-

ла шаг вперёд, рука дрожащей протянулась, но не коснулась его лица, будто боялась сделать больно.

Бес быстро вытер лицо полотенцем и повернулся к ней, стараясь придать чертам максимальное спокойствие.

– Всё в порядке, мама. Успокойся. Обычная школьная разборка. Ничего серьёзного.

– Как ничего серьёзного? Ты весь в синяках! Ты же только выписался! Я позвоню в милицию, в школу! – она уже закрутилась на месте, ища телефон, её дыхание снова стало частым и поверхностным. Он видел, как на глазах нарастает паника, способная перечеркнуть все успехи последних дней.

Он мягко, но твёрдо взял её за плечи, заставив остановиться и посмотреть на себя.

– Мама. Дыши. Слушай меня. Никакой милиции. Никаких звонков в школу. Это мой вопрос. Я сам его решу. Видишь – это просто синяки. Они уже проходят. – Он солгал, но солгал уверенно, глядя её по спине, как когда-то, кажется, она успокаивала его в детстве. – Я сам дал им отпор. И это только начало. Ты же видишь, я уже не тот. Я сам всё контролирую. Обещаю.

Его тон, ровный и уверенный, подействовал сильнее слов. Она заморгала, сглотнула, и паника в глазах начала отступать, сменяясь усталой, глубокой тревогой.

– Но как же так... Опять... – прошептала она.

– В последний раз, – твёрдо сказал он. – Больше такого не повторится. Доверься мне.

Она медленно кивнула, позволив отвести себя на кухню и усадить за стол. Он налил ей валерьянки. Мир в её хрупком мире был восстановлен, но цена этому – её седые волосы и тени под глазами – резанула его острее любых тумачков.

И тут зазвонил городской телефон. Галина Семёновна, сидевшая ближе, машинально сняла трубку.

– Алло? Да... Да, он дома.

Она протянула трубку «Бесу», и её лицо стало каменным.

– Твой отец.

Бес взял трубку. В динамике послышалось ровное, низкое, лишённое эмоций «Алло».

– Слушаю, – сказал Бес.

– Мне только что позвонил директор школы. Сообщил об инциденте. Говорит, ты подрался с группой одноклассников, – голос Алексея Алексейовича Приморского был гладким, как полированный гранит. – Нужна помощь?

– Нет, – сразу и чётко ответил Бес.

– Я могу направить к ним нашего юриста. Или решить вопрос через администрацию. Чтобы эти... хулиганы были отчислены. Или их родители поняли, с кем имеют дело.

В голосе сквозила не забота, а раздражение из-за того, что его имя снова оказалось впутано в скандал, и уверенность, что всё решается давлением и деньгами.

– Не надо, – повторил Бес, чувствуя, как сжались его кулаки. – Это моя проблема. Я её решу. Сам.

На том конце провода повисла короткая пауза.

– Сам? – в голосе отца прозвучало лёгкое, почти неуловимое недоумение. – Ты же её не решил. Тебя избили.

– Это была разведка боем, – холодно парировал Бес, не думая о странности формулировки. – Теперь я знаю слабые места. Свои и их. Юрист здесь не нужен. Он даст им повод считать меня стукачом, который прячется за папину спину. Мне это не нужно.

Ещё одна пауза, на этот раз длиннее. Алексей Борисович Приморский, казалось, переваривал не столько отказ, сколько тон и логику сына.

– Как знаешь, – наконец отрезал он. Словно отстранённо оценив новую, неожиданную позицию. – Но если ситуация выйдет из-под контроля...

– Она не выйдет, – перебил его Бес.

– Хорошо. – И связь прервалась.

Бес медленно положил трубку. Он чувствовал на себе взгляд матери – вопрошающий, полный тревоги и тени прежней, материнской ярости. Он обернулся и сделал то, чего от него не ждали: слабо, но искренне улыбнулся.

– Всё в порядке, мама. Отец предложил помощь. Я отказался. Это моя война. И я её выиграю. Не его методами. Своими.

Он подошёл к окну. На улице спускались ранние сентябрьские сумерки. Боль от ударов превратилась в твёрдую, холодную решимость. Синяки были его первыми боевыми отметинами в этом новом теле. Отказ отца – первым актом

настоящей независимости. А звонок Кати, который вот-вот должен был раздаться, станет первым шагом к реальному превосходству.

6. УРОКИ

Тишина в «Атланте» была особой. Не библиотечной, а тяжёлой, насыщенной запахом пота, металла, старой кожи и льняного масла. Это была не качалка для позёров, а цех по перековке. Стены, выложенные грубым камнем, поглощали звуки. Вместо зеркал – портреты чемпионов ушедших эпох, пожелтевшие от времени. По углам стояли самодельные станки и гири, отполированные тысячами ладоней. Это было царство дяди Вити.

Виктор Петрович, брат отца Кати, оказался невысоким, приземистым мужчиной лет пятидесяти, с широченной спиной, на которой майка-алкоголичка лежала как на скале. Лицо его, обветренное и просечённое сетью мелких шрамов, казалось вырубленным из коряги. Он молча, оценивающе оглядел Беса с ног до головы. Взгляд его был похож на рентген.

– Катя говорила. Про тебя. Сказала – «сырой, но не пустой». Синяки – свои? – голос был низким, хриплым, как скрип ржавого якоря.

– Свои, – кивнул Бес. – Показать, как получил?

Бес коротко, без эмоций, описал стычку: свой первый уклон, контратаку, момент, когда тело подвело, град ударов

ногами. Дядя Витя слушал, не перебивая, лишь иногда его взгляд становился острее.

– Жалость к противнику – хуже трусости, – отрезал он, когда Бес закончил. – На ринге или на улице – одно правило: если драка началась, её нужно закончить. Быстро. Жестко. В твоей ситуации – главного нужно было сломать. Остальные бы разбежались. Ты не сломал. Они – добились. Вывод?

– Тело не готово. И голова в прошлой жизни жила, – честно сказал Бес.

– Правильно. Значит, будем готовить. И тело, и голову. Учиться будем с нуля. Согласен?

– Согласен.

– Расписание: каждый день после школы. Первый месяц – только база. Фундамент. Без спаррингов. Будешь ненавидеть меня, ненавидеть эти стены, но не бросишь. Потому что у тебя внутри, – он ткнул толстым пальцем в грудь «Бесу», – я вижу, горит. Обида. Не на них. На себя. Вот её и будем жечь. Понял?

– Понял, тренер.

– Не тренер. Дядя Витя. Здесь все на «ты». Поехали.

Первый урок был посвящён дыханию. Казалось бы, что может быть проще? Но дядя Витя заставил его час стоять в стойке, концентрируясь только на вдохе и выдохе, на том, как воздух наполняет живот, а не грудь. «Вся сила – отсюда, – бубнил он, похлопывая Беса по прессу. – Не сбил дыхание – не проиграл. Драка – на десять секунд. А если больше –

это уже война на истощение. И выигрывает тот, кто умеет дышать, когда у другого лёгкие горят огнём».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.